

Я, коричневый-белый!

Сергей Афонин

Использована иллюстрация обложки книги Жана Лакомба *A Moi l'Atlantique!*, 1957 г.

Жан Лакомб — удивительный моряк. В то время как большинство пионеров одиночных парусных гонок купались в лучах славы, он спокойно продолжал ходить по морям, наслаждаясь единением с океаном. Его скромность поражала, в свете сияния имен Чичестера и Табарли этот человек всегда словно бы оставался в тени.

В первое одиночное плавание Жан Лакомб ушел из Тулона в апреле 1955 г. Свою маленькую яхту он спроектировал и построил на берегу Сены, в пригороде Парижа Сартрувиле. Лакомб был абсолютным новичком в парусе, но пересек Атлантический океан, совершив плавание по маршруту Тулон — Барселона — Марокко — Канарские о-ва — Пуэрто-Рико — США. Он остался в Америке и, поселившись в Нью-Йорке, стал работать там фотографом. О своем путешествии Лакомб написал книгу «Моя Атлантика», которая так и осталась единственной книгой в его биографии.

Плавание это случилось еще в те годы, когда каждый яхтсмен-одиночник был на счету. В мире на тот момент таких путешествий насчитывалось всего несколько десятков.

В Сартрувиле находилась яхтенная верфь Jouet & Cie, и ее владелец Жан-Пьер Жуэ хорошо знал Лакомба. Жуэ мечтал поставлять свои яхты в США, и каждый его новый проект был всегда ориентирован на это. В конце 50-х гг. на верфи выпускался небольшой, длиной 6,5 м, компромисс конструкции Жан-Жака Эрбуло под названием *Sar-Horn*. Легкий, но при этом очень прочный корпус формировался из нескольких слоев шпона. Несмотря на то, что яхта позиционировалась как крейсерско-гоночная и предназначалась в основном для плаваний выходного дня, у нее практически отсутствовала рубка, и палуба была свободной. Высота в помещениях благодаря высокому борту с ярко выраженной обратной седловатостью была вполне приемлемой. Просторный кокпит позволял без проблем разместиться в нем экипажу из четырех

«Нирросатре»
в предместьях Парижа
перед спуском на воду

человек, а в каюте было три спальных места, маленький камбуз, галюнь и вместительные рундуки.

Владельцем такой яхты в скором времени стал новообращенный ньюоркец Жан Лакомб. В нем всегда удивительным образом сочеталось нежелание проводить жизнь «в накатанной колее» с коммерческой деятельностью взрывного характера, которая позволяла ему ре-

ализовывать свои свободолобивые проекты. Во Франции он некоторое время неплохо зарабатывал, изготавливая из кожи очень стильные женские сумочки высочайшего класса. В Нью-Йорке Лакомб целиком отдался своей страсти — фотографии, и тоже вполне преуспел в этом деле. Во всяком случае, коллекцию его снимков, на которых запечатлены известные французы, звезды кино и эстрады, приезжавшие в Нью-Йорк, оценили очень высоко.

Люди, знавшие Лакомба, отмечали его причудливый, бунтарский характер. Он всегда был в движении, стремился к идеалу, временами бывал сварлив. И главным для

него всегда оставалось осознание собственной свободы.

На новой яхте Жан Лакомб совершил длительное путешествие практически вдоль всего восточного побережья США, а оно немаленькое по протяженности!

Узнав о готовящейся первой трансатлантической гонке одиночек, Лакомб решил принять в ней участие. То, что старт Observer Single-handed Transatlantic Race (OSTAR) давали от берегов Великобритании, его не смутило, и он опять отправился через океан — с запада на восток. Среди участников Лакомб оказался единственным французом. Вот как описывает первую встречу с ним один из яхтсменов,

автор книги «Курс — одиночество» Вэл Хауэлз: «В конце торжества я обратил внимание на маленького полного человека, который смиренно сидел за столиком в углу. Я подошел к нему и представился.

— А я француз Жан Лакомб, — ответил он, вставая. — Прибыл сюда из Гавра.

Отличный гамбит, хотелось бы мне испытать его на каком-нибудь чопорном закоренелом великобританце.

«Здравствуйте. Я валлиец Дэй Джон Эдвардс. Приехал сюда из Гвэнкэгурвена».

Французу это сойдет с рук, насчет валлийца я не так уверен, но, ей-богу, стоит попробовать.

Жан только что закончил тяжелый трехдневный переход, он здорово устал и сказал, что сперва передохнет, а стартует попозже. Эти слова он произнес

На борту Cap-Horn

после внимательного взгляда на своих бражничающих соперников, и я до сих пор не знаю точно, что он подразумевал».

«Тяжелый трехдневный переход...» А ничего, что этот француз, перед тем как прийти из Гавра в Плимут, пересек Атлантику?! Пересек океан в одиночку уже во второй раз в жизни? Об этом нет ни слова! Между тем среди соперников Жан Лакомб был на тот момент самым опытным яхтсменом. Он вышел в океан через четыре дня после общего старта, и его участие осталось почти незамеченным для прессы, потому что все журналисты, собравшиеся в Плимуте для освещения подготовки к гонке, уже разошлись.

Его лодка была самой маленькой, и в этой гонке он пришел последним, через 74 дня после старта.

Вполне может быть, Жан Лакомб оставался малоизвестным персонажем из-за того, что стал отличным моряком. Для того чтобы чувствовать себя хорошо, ему действительно нужно было море и только море. Хотя, казалось бы, как можно было не заметить яхтсмена, который не только стал участником первой гонки OSTAR, но и стартовал в ней в 1964 г., когда она стремительно набирала популярность!

На этот раз он пошел в океан на новой французской яхте Golif. Она была построена из стеклопластика. Ее появление на Парижском бот-шоу в январе 1962 г. вызвало настоящий переполох: стеклопластик был совершенно

новым судостроительным материалом, и все в этой лодке вызывало неподдельный интерес. Длина лодки опять была одной из самых маленьких в гоночном флоте — 6,5 м.

Яхты Golif строились все в том же Сартрувиле на верфи Jouet & Cie. Ее владелец, запуская яхту в производство, все так же ориентировался на рынок США, где надеялся продать значительное количество этих судов. Успешные трансатлантические плавания Жана Лакомба на небольшой фанерной яхте Cap-Horn — модели, уже производимой его компанией, — служили неплохой рекламой.

Во время гонки яхта Лакомба попала в ураган. «Оверкиль был неизбежен, но, видно, кто-то очень похлопотал за меня на небесах: яхта задрожала и, вырывая из воды мачту, выпрямилась. Это было чудо», — писал яхтсмен.

На Парижском бот-шоу 1965 г. маленький Golif Лакомба стоял на почетном месте, рядом с яхтой-победительницей этой гонки «Pen Duick II» Эрика Табарли. Оба яхтсмена получили поздравления от Шарля де Голля.

Больше авантюрист и философ, чем спортсмен и гонщик, Лакомб продолжал путешествовать по Северной Атлантике. Полный энтузиазма, он продолжал жить в Нью-Йорке, не имея надежных источников дохода, но удовлетворяя свою всепоглощающую страсть к плаванию под парусом. Он жил морем, жил в море и больше не участвовал в гонках через океан. В его истории были еще две яхты, каждая из которых могла удивить лишь своими скромными

На борту Golif

размерами. Много путешествовал и много работал. Известно, что он даже открыл магазин по продаже чипсов, пустив все заработанные на этом бизнесе деньги на строительство лодки своей мечты, своей последней яхты.

Жан Лакомб умер на о. Мартиника в 1995 г. Он так и не написал больше ни одной книги о себе и своих плаваниях, хотя сохранились наброски его автобиографии под дерзким названием «Я, коричнево-белый!». Но о жизни славного моряка осталось неожиданно яркое свидетельство. После его кончины семья передала журналистам яхтенного журнала *Voiles et Voiliers* Эрику Вибару и Лорану Шарпантье большое количество отснятой им киноплёнки — настоящее сокровище! Через несколько лет благодаря кропотливой работе кинорежиссера Фабьена Иссартеля появился фильм, словно бы воскрешающий этого необыкновенного человека или, как минимум, ставший подтверждением его незаурядной судьбы.

Сейчас снять какой-то видеоряд — задача элементарная, тогда же это было невероятно сложно, требовало знаний и умений. Громоздкие кинокамеры с механическим плёнопротяжным механизмом, сама киноплёнка, обращение с которой было сродни навыкам сапера, — и все это в условиях яхты, где технику и материал так трудно беречь от влаги.

С 1960 г. Жан Лакомб не расставался с механической 16-мм кинокамерой. Профессия фотографа и мастерство кинооператора позволяли ему делать удивительно богатые документальные кинозарисовки. Помимо никогда

и нигде не представленного собственноручно смонтированного часового фильма, Лакомб оставил много отдельных киноплёнок с выдержками из репортажей, сценами из жизни в море и на суше. Весь этот материал был бережно восстановлен и оцифрован.

«Нам нужно чаще показывать жизнь таких свободных людей, каким был Жан Лакомб, чтобы не переставать мечтать и реализовывать свои мечты. Мне довелось завершить работу талантливого режиссера-моряка, сохраняя тот дух, который он хотел продемонстрировать в ней. Это была очень непростая работа, и временами я чувствовал, что работаю вместе с Жаном», — рассказывал Фабьен Иссартель.

Фильм «Я, Жан Лакомб, моряк и кинорежиссер» представили публике в 2014 г. Он стал настоящим приветом из прошлого тем, кто не желает забывать чистый дух приключений, который вел вперед пионеров одиночного плавания.

